

КАРТЕР

1. Смерть у иглы

У НАС ЕСТЬ ТОЛЬКО ПАРА ЧАСОВ, так что слушай внимательно.

Если ты слушаешь эту историю, ты уже в опасности. Сейди и я можем быть единственным твоим шансом.

Иди в школу. Найди шкафчик. Я не хочу говорить тебе, какая школа или какой шкафчик, потому что, если ты правильный человек, ты найдёшь их. Комбинация 13/32/33. Когда ты дослушаешь, ты будешь знать, что эти цифры значат. Просто запомни, история, о которой мы рассказываем тебе, ещё не завершена. Как она закончится будет зависеть от тебя.

Самая важная вещь: когда ты откроешь пакет и найдёшь то, что внутри, не сохраняй это больше недели. Уверен, это будет заманчиво. Я имею ввиду, это будет гарант твоей почти не ограниченной силы. Но если ты будешь владеть этим слишком долго, это поглотит тебя. Быстро узнай этот секрет и передай его. Спрячь это для следующего, как Сейди и я сделали это для тебя. Затем будь готов к тому, что твоя жизнь станет очень интересной.

Хорошо, Сейди сказала мне остановиться и продолжать историю. Замечательно. Я думаю, это началось в Лондоне, когда ночью наш папа взорвал Британский Музей.

Моё имя Картер Кейн. Мне 14 и мой дом — это чемодан.

Думаешь, я шучу? С тех пор как мне исполнилось 9, мой папа и я путешествовали по миру. Я родился в Лос-Анджелесе, но мой папа археолог, так что его работа забирала его полностью. Чаще мы ездили в Египет, потому что это его специализация. Зайди в книжный магазин, найди книгу о Египте, есть очень хороший шанс, что она написана доктором Джулиусом Кейном. Ты хочешь знать, как египтяне вытащили мозги из мумий, или строили пирамиды, или прокляли гробницу короля Тутанхамона? Мой папа - твой человек. Конечно, есть и другие причины, по которым папа так много передвигался, но тогда я не знал его тайну.

Я не ходил в школу. Мой папа учил меня дома, если это можно назвать «домашним» обучением, когда у тебя нет дома. Он вроде как учил меня хотя бы чему-то, что он считал важным, так что я учил много о Египте, и баскетбольных командах, и о любимых музыкантах моего папы. Я много читал, слишком много всего, все, что помещалось в руки. От папиных исторических книг до фантастических романов, потому что я проводил много времени, сидя в отелях и аэропортах, и рылся на сайтах в других странах, где я не знал никого. Мой папа всегда говорил мне класть книги обратно и идти играть с мячом. Ты когда-нибудь пытался начать игру в пикап-баскетбол в Асуане в Египте? Это не просто.

В любом случае, мой папа рано научил меня держать все свое имущество в единственном чемодане, который вписывался в верхнее отделение самолета. Мой папа пакуется также, кроме того, ему позволена дополнительно рабочая сумка для его археологических инструментов. Правило номер один: мне не разрешается смотреть в его рабочую сумку. Это правило я никогда не нарушал до дня взрыва.

Это произошло в Сочельник. Мы были в Лондоне для встречи с моей сестрой, Сейди.

Смотри, папе позволено только два дня в году с ней — один зимой, один летом — потому что наши бабушка и дедушка ненавидят его. После того, как умерла наша мама, ее родители (наши бабушка с дедушкой) устроили большую судебную битву с папой. После шести адвокатов, двух кулачных боев и почти смертельной драки на шпателях (не спрашивай), они выиграли право оставить Сейди с ними в Англии. Ей было только шесть,

на два года младше меня, и они не могли оставить нас двоих – по крайней мере, это было их оправданием для меня. Так Сейди была воспитана как британский школьник, а я путешествовал с моим отцом. Мы видели Сейди только дважды в год, что меня устраивало.

[Замолчи, Сейди. Да, я приступаю к этой части.]

Так что в любом случае, мой папа и я просто летели в Хитроу после пары задержек. Это был холодный день с морозящим дождем. Все такси ехали в город, мой папа казался каким-то нервным.

Сейчас мой папа – большой человек. Ты не подумал бы, что что-то его может заставить нервничать. У него темно-коричневая кожа, как у меня, пронзительные карие глаза, лысая голова и эспаньолка, так он выглядит, как любитель злых ученых. Этим днем он надел свой кашемировый зимний свитер и его лучший коричневый костюм, один из тех, что он использует для публичных лекций. Обычно он излучает очень много уверенности, он доминирует в любой комнате, в которую входит, но иногда - как этим днем - я видел другую его сторону, которую я действительно не понимаю. Он продолжает оглядываться через плечо, как будто на нас охотились.

"Пап?" сказал я, когда мы выходили из А-40. "Что не так?"

"Никаких признаков их," бормотал он. Потом он, должно быть, понял, что разговаривает вслух, потому что он смотрел на меня как испуганный. "Ничего, Картер. Всё хорошо."

Это беспокоило меня, потому что мой папа ужасный лжец. Я всегда знал, когда он скрывает что-то, но я также знал, никакое количество расспросов не сможет вытащить из него правду. Он, наверное, пытался меня защитить, правда, я не знаю, от чего. Иногда я задавался вопросом, что, если у него есть некий тёмный секрет в его прошлом, какой-то старый враг преследует его, может быть; но идея кажется нелепой. Папа был просто археологом.

Другая вещь меня беспокоила: папа сжимал свою рабочую сумку. Обычно, когда он делает так, это значит, мы в опасности. Как во время того, когда гангстеры штурмовали наш отель в Кайре. Я услышал выстрелы из вестибюля и побежал вниз, проверить моего отца. К тому времени, когда я добрался туда, он просто спокойно застегивал свою рабочую сумку, пока три гангстера без сознания висели подвешенные за ноги на люстре, их мантии опрокинулись на их головы так, что ты мог видеть их боксеры. Папа утверждал, что ничего не видел, и в конце полицейский переложил вину на неисправность люстры.

В другой раз мы попали на бунт в Париже. Мой папа нашел самую близкую припаркованную машину, толкнул меня на заднее сиденье и сказал не высовываться. Я прижался к полу и зажмурился. Я мог слышать папу на водительском кресле, роющегося в его сумке, бормочущего что-то себе под нос, пока толпа кричала и уничтожала все снаружи. Через пару минут он сказал мне, что теперь безопасно, можно вылезать. Каждая другая машина в квартале была перевернута и подожжена. Наша машина была свежeweымыта и отполирована, и несколько банкнот были заправлены за стеклоочистители.

В любом случае я стал уважать сумку. Она была нашей удачей. Но когда мой папа держал ее близко, это означало, что нам понадобится удача.

Мы ехали через центр города, направляясь на восток к квартире моих бабушки и дедушки. Мы проехали золотые ворота Букингемского Дворца, большую каменную колонну на

Трафальгарской площади. Лондон – это слишком крутое место, но после моих вечных путешествий все города стали смешиваться воедино. Другие дети, которых я встречал, иногда говорили: «Оу, тебе везет, ты так много путешествуешь.» Но это не похоже на то, когда мы проводим наше время, осматривая достопримечательности, или, имея много денег, путешествуем на стиле. Мы останавливаемся в некоторых довольно грубых местах, и нам трудно оставаться где-либо дольше, чем на пару дней. В большинстве случаев кажется, что мы беглецы, нежели туристы.

Я имею ввиду, ты не думаешь, что работа моего папы была опасной. Он вел лекции на темы типа «Может ли египетская магия действительно убить Вас?» и «Любимые наказания в египетском загробном мире» и другие вещи, о которых большинство не заботится. Но как я сказал, есть другая его сторона. Он всегда очень осторожный, проверяет каждый номер отеля, прежде чем позволить мне зайти внутрь. Он бросится в музей посмотреть некоторые артефакты, сделает несколько заметок и в спешке выйдет обратно, будто боится быть замеченным на камерах слежения.

Один раз, когда я был младше, мы объехали аэропорт Чарльза де Гольда, чтобы поймать рейс в последнюю минуту, и папа не расслаблялся, пока самолет не приземлился, я просил его указать, от чего он бежит, и он посмотрел на меня, будто я вытащил чеку у гранаты. Секунду я был напуган, он мог в самом деле рассказать мне правду. Потом он сказал: «Картер, ничего.» Как будто «ничего» было самой ужасной вещью в мире.

После этого я решил, может быть, лучше было не задавать вопросов.

Мои бабушка и дедушка, Фаусты, жили в новостройке около Кэнери Уорф, прямо у берега Темзы. Такси высадило нас на бордюр, и мой папа попросил водителя подождать.

Мы были на полпути, когда папа застыл. Он повернулся и посмотрел позади нас.

«Что?» спросил я.

Потом я увидел человека в пальто. Он был дальше по улице, прислонившись к большому мертвому дереву. Он был бочкообразный, с кожей цвета обжаренного кофе. Его пальто и черный в тонкую полоску костюм смотрелись дорого. У него были длинные плетеные волосы и на нем была черная шляпа, сбитая низко над темными круглыми очками. Он напоминал мне джазового музыканта из тех, чьи концерты мой папа всегда заставлял меня смотреть. Хотя я не мог видеть его глаза, у меня создалось впечатление, что он наблюдал за нами. Он мог быть старым другом или коллегой папы. Не важно, куда мы шли, папа всегда сталкивался с людьми, которых знал. Но казалось странным, что этот парень ждал здесь, снаружи дома моих бабушки и дедушки. И он не выглядел счастливым.

«Картер» - сказал мой папа, - «иди вперед.»

«Но-»

«Бери свою сестру. Я встречу вас с такси.»

Он пересек улицу к человеку в пальто, чем оставил мне два пути выбора: следовать за папой и увидеть, что произошло, или сделать то, что мне было сказано.

Я решил выбрать немного менее опасный путь. Я пошел за сестрой.

До того, как я вообще смог постучаться, Сейди открыла дверь.

«Позже, чем обычно,» - сказала Сейди.

Она держала ее кошку, Маффин, которая была «прощальным» подарком от папы шесть лет назад. Маффин никогда не выглядела постаревшей или потолстевшей. У нее был нечеткий желто-черный мех как миниатюрный леопард, тревожные желтые глаза и

заостренные уши, которые были слишком высокими для ее головы. Серебряный египетский кулон свисал с ее воротничка. Она не была похожа на что-то похожее на маффин, но Сейди была маленькой, когда давала ей имя, так что, я думаю, ты должен быть снисходителен к ее слабости.

Сейди даже не изменилась с прошлого лета.

[Так я записываю это, она стоит рядом со мной, вопиющая, так что мне лучше быть внимательнее при описании ее.]

Ты бы никогда не догадался, что она моя сестра. Прежде всего, она живет в Англии очень долго, так что у нее британский акцент. Во-вторых, она пошла в нашу маму, которая была белой, так что у Сейди кожа гораздо светлее моей. У нее были прямые карамельного цвета волосы, не совсем блондинка, но и не брюнетка, некоторые пряди она обычно красила в яркие цвета. В тот день красные пряди были внизу левой стороны. Глаза у нее синие. Я серьезно. Синие глаза, прямо как у мамы. Ей только двенадцать, но она такая же высокая, как я, что действительно раздражает. Она жевала жвачку как обычно, одетая в свой день с папой в затертые джинсы, кожаную куртку и армейские ботинки, как будто она собралась на концерт и надеялась затоптать некоторых людей. Вокруг ее шеи свисали наушники в случае, если мы ей наскучим.

[Хорошо, она не ударила меня, значит я хорошо описал ее.]

«Наш самолет прилетел позже,» - сказал я ей.

Она надула жвачку, потрепала голову Маффин, и бросила кошку с рук. «Бабуль, я пошла!»

Откуда-то из дома бабушка Фауст сказала что-то, что я не смог разобрать, наверное «Не выпускай их!»

Сейди закрыла дверь и посмотрела на меня, будто я был дохлой мышью, которую ее кошка просто притащила.

«Так, ты снова здесь.»

«Ага.»

«Тогда пошли.» - Она вздохнула. — «Давай продолжим.»

В этом была вся она. Ни «Привет, как прошли последние полгода? Так рада тебя видеть!» или что-нибудь другое. Но со мной все нормально. Когда вы видите только дважды в год, вы уже будто дальние родственники, а не брат и сестра. У нас абсолютно нет ничего общего, кроме наших родителей.

Мы двинулись вниз по ступенькам. Я думал, как она пахнет, как смесь дома, где живут старые люди, и жвачки, когда она так внезапно остановилась, я врезался в нее.

«Кто это?» - спросила она.

Я почти забыл о чувстве в пальто. Он и мой папа стояли поперек улицы рядом с большим деревом, это было похоже на серьезный спор. Папа стоял спиной, поэтому я не мог видеть его лица, но он жестикулировал руками, как он делает это, когда взволнован. Другой мужчина нахмурился и покачал головой.

«Не знаю,» сказал я. — «Он был здесь, когда мы остановились.»

«Он выглядит знакомо.» - Сейди нахмурилась, будто пыталась вспомнить. «Пошли.»

«Папа хочет, чтобы мы подождали в машине,» - сказал я, хотя знал, что это бесполезно. Сейди уже шла туда.

Вместо того, чтобы перейти улицу по прямой, она бросилась вверх по тротуару за полквартала, прячась за машинами, затем перешла на другую сторону и присела за низкой каменной стеной. Она стала подкрадываться к нашему отцу. У меня не было выбора, и я последовал ее примеру, хотя это заставляло меня чувствовать себя глупо.

«Шесть лет в Англии,» - бормотал я, - «и она думает, что она - Джеймс Бонд.»

Сейди ударила меня, не оглядываясь, и продолжила ползти вперед.

Еще пара шагов и мы были прямо за большим мертвым деревом. Я мог слышать, как папа на другой стороне говорил, «- придется, Амос. Ты знаешь, это правильно.»

«Нет,» - сказал другой мужчина, который должно быть был Амос. Его голос был глубоким и даже очень настойчивым. Его акцент был американским. «Если не остановлю тебя, Джулиус, они это сделают. Пер Анкх затеняет тебя.»

Сейди повернулась ко мне и проговорила губами - «Пер что?»

Я встряхнул головой, просто также был озадачен. «Давай убираться отсюда,» - прошептал я, потому что я полагал, что мы можем в любую минуту попасться, и у нас будут серьезные неприятности. Сейди, конечно, проигнорировала меня.

«Они не знают моего плана,» - говорил мой отец. - «К тому времени, как они выяснят это-»

«И дети?» - спросил Амос. Волосы встали на затылке. - «Что насчет них?»

«Я принял меры для их защиты,» - сказал папа. - «Кроме того, если я не сделаю этого, мы все будем в опасности. Сейчас, уйди.»

«Я не могу, Джулиус.»

«Тогда хочешь сразиться со мной?» - папин тон стал серьезным. — «Ты никогда не сможешь победить меня, Амос.»

Я не видел моего папу таким жестоким с Великого Шпателевого Инцидента, и я не был обеспокоен тем, что увижу повторение этого, но два мужчины, казалось, были близки к битве.

Прежде чем я смог отреагировать, Сейди выскочила и закричала: «Папа!»

Он выглядел удивленным, когда она повисла на нем, но не так удивленно, как другой мужчина, Амос. Он быстро повернулся, и едва не упал, наступив себе на пальто.

Он снял очки. Я не мог не думать о том, что Сейди была права. Он выглядел знакомо - как очень далекие воспоминания.

«Я ... я должен идти», сказал он. Он выпрямил свою шляпу и помчался вниз по дороге.

Наш отец смотрел ему в след. Одной рукой он защищающе обнимал Сейди, а вторую руку держал в рабочей сумке, накинутой через плечо. Наконец, когда Амос исчез за углом, папа расслабился. Он вытащил руку из сумки и улыбнулся Сейди. "Привет, дорогая."

Сейди оттолкнулась от него и скрестила руки. «О, теперь я дорогая, неужели? Ты опоздал. Дни посещения почти закончились! И что это было? Кто такой Амос, а что такое Пер Анкх?»

Папа напрягся. Он взглянул на меня, как будто задавался вопросом, насколько много мы слышали.

«Ничего,» - сказал он, пытаясь звучать оптимистично. - «У меня прекрасный вечер. Кто бы хотел сходить на экскурсию в Британский музей?»

Сейди плюхнулась на заднее сидение такси между папой и мной.

«Я не могу в это поверить,» - проворчала она. - «Один вечер вместе, и даже тут занимаешься исследованиями».

Папа попытался улыбнуться. «Милая, это будет весело. Хранитель египетской коллекции лично пригласил-»

«Верно, большой сюрприз». Сейди сдула с лица прядь красных волос. «Сочельник, а мы собираемся смотреть на какие-то заплесневелые старые реликвии из Египта. Ты когда-нибудь думаешь о чем-нибудь еще?»

Папа не рассердился. Он никогда не сердится на Сейди. Он просто посмотрел в окно на темное небо и дождь.

«Да», - сказал он тихо. - «Думаю.»

Всякий раз, когда папа молчал как сейчас и смотрел в никуда, я знал, что он думает о нашей маме. Последние несколько месяцев это происходило часто. Я заходил в наш гостиничный номер и находил его со своим мобильником в руках, и мама с улыбкой смотрела на него с экрана - ее волосы заправлены под платок, а голубые глаза поразительно ярко отражались на фоне пустыни.

Или мы были в каком-то месте. Я видел, как папа смотрит на горизонт, и я знаю, что он вспоминает, как встретил ее - два молодых ученых в Долине Царей, на раскопках потерянной гробницы. Папа был египтологом. Мама была антропологом, который искал древнюю ДНК. Он рассказывал мне эту историю тысячу раз.

Наше такси пробиралось по берегам Темзы. Как раз мимо моста Ватерлоо, мой отец напрягся.

«Водитель,» - сказал он. - «Остановитесь здесь на минутку».

Таксист съехал на набережную Виктории.

«Что это, пап?» - спросил я.

Он вышел из машины, как будто не слышал меня. Когда Сейди и я присоединились к нему на тротуаре, он смотрел на Иглу Клеопатры.

Если ты никогда ее не видел: Игла — это обелиск, не игла, и он не имеет никакого отношения к Клеопатре. Думаю, англичане просто подумали, что это имя звучит круто, когда они привезли его в Лондон. Он около семидесяти футов в высоту, что было бы действительно впечатляюще в Древнем Египте, но на Темзе со всеми высокими зданиями вокруг он выглядит маленьким и грустным. Ты мог бы ехать прямо к нему и даже не осознавать, что проехал мимо чего-то старше Лондона на тысячу лет.

«Боже.» - Сейди обошла угрюмо обелиск. - «Мы будем останавливаться у каждого памятника?»

Мой отец уставился на верхнюю часть обелиска. «Я должен был увидеть его снова», - пробормотал он. «Тут все и произошло ...»

Ледяной ветер дул с реки. Я хотел вернуться в такси, но мой отец действительно стал беспокоить меня. Я никогда не видел его таким отрешенным.

«Что, пап?» - спросил я. - «Что произошло здесь?»

«Последнее место, где я видел ее.»

Сейди перестала расхаживать. Она неуверенно хмуро посмотрела на меня, потом снова на папу. «Подожди. Ты имеешь ввиду маму?»

Папа заправил волосы Сейди за ухо, и она была так удивлена, что даже не оттолкнула его.

Я чувствовал, что от дождя я замерз. Смерть мамы всегда была запретной темой. Я знал, что она погибла в аварии в Лондоне. Я знал, мои бабушка и дедушка винят моего папу. Но никто даже не собирался говорить нам детали. Я сдался и больше не спрашиваю отца, частично из-за того, что это расстраивает его, частично из-за того, что он совершенно не хочет рассказывать мне что-либо. «Когда ты повзрослеешь» — это все, что он мне сказал, это был самый отвратительный ответ из всех.

«Ты говорил нам, она умерла здесь,» - сказал я. — «На Игле Клеопатры? Что произошло?»

Он опустил свою голову.

«Пап!» - протестовала Сейди. — «Я хожу мимо этой штуки каждый день, и ты хочешь сказать, что все это время я даже не знала о случившемся?»

«Твоя кошка все еще у тебя?» - спросил ее папа, казалось, это был действительно глупый вопрос.

«Конечно, у меня все еще есть кошка!» - сказала она. — «И какое отношение это имеет хоть к чему-то?»

«А твой амулет?»

Рука Сейди потянулась к шее. Когда мы были маленькими, прямо перед тем, как Сейди уехала жить к бабушке и дедушке, папа дал нам обоим египетские амулеты. Мой – Глаз Гора, который был популярным символом защиты в Древнем Египте.

Вообще мой папа сказал, что современный символ фармацевтики – это упрощенная версия Глаза Гора, потому что медицина предполагает защиту тебя.

В любом случае я всегда надевал мой амулет под кофту, но я думал, что Сейди потеряла или выкинула бы его.

К моему удивлению, она кивнула. «Конечно, он у меня, пап, но не меняй тему. Бабушка продолжает винить тебя в маминой смерти. Это же не правда, да?»

Мы ждали. Хотя бы раз Сейди и я хотели одного и того же – правды.

«Ночью ваша мама умерла,» - начал мой отец, - «здесь на Игле-»

Внезапная вспышка подсветила набережную. Я повернулся, наполовину ослепши, и всего на мгновение мелькнули две фигуры: высокий бледный мужчина с раздвоенной бородкой и одетый в кремовой одежде, и девушка с медной кожей в темно-синей одежде и платке – вид одежды, который я видел сотни раз в Египте. Они просто стояли рядом друг с другом, не дальше двадцати футов от нас, и наблюдали за нами. Потом свет погас. Фигуры размылись. Когда мои глаза привыкли к темноте, они ушли.

«Эм...» - нервно сказала Сейди. — «Ты тоже это видел?»

«Садитесь в машину,» - сказал папа, подталкивая нас к бордюру. - «У нас нет времени.»

С этого момента папа замолчал.

«Это не место для разговоров,» - сказал он, поглядывая за нами. Он пообещал таксисту десять фунтов сверху, если он доставит нас к музею меньше, чем за пять минут, и таксист сделал все возможное для этого.

«Пап,» я устал, «эти люди на реке-»

«И другой парень, Амос,» - сказала Сейди. - «Они египетская полиция или что-то типа того?»

«Смотрите,» - сказал отец, - «мне понадобится ваша помощь сегодня ночью. Я знаю, это тяжело, но вы должны быть терпеливы. Я объясню все, я обещаю, после того как мы прибудем в музей. Я снова собираюсь сделать все правильно.»

«Что ты имеешь ввиду?» - поинтересовалась Сейди. – «Правильно сделаешь что?»

Папино выражение лица было не просто грустным. Оно было почти виноватым. С ознобом я подумал о том, что сказала Сейди: о наших бабушке и дедушке, которые обвиняют его в смерти мамы. Это не могло быть тем, о чем он говорил, да ведь?

Таксист повернул на улицу Великого Рассела и затормозил перед главными воротами музея.

«Просто следуйте моему примеру,» - проговорил нам отец. «Когда мы встретим экскурсовода, ведите себя нормально.»

Я подумал о том, что Сейди никогда не ведет себя нормально, но я решил не говорить ничего.

Мы высадились из машины. Я забрал багаж, пока папа платил водителю большой пачкой денег. Затем он сделал кое-что странное. Он бросил несколько небольших предметов на заднее сиденье – они выглядели как камни, но было слишком темно, чтобы сказать точно. – «Продолжайте ехать,» - сказал он таксисту. – «Заберите нас в Челси.»

Это не имело никакого смысла, ведь мы уже вышли из машины, но водитель ускользнул. Я взглянул на папу, потом снова на такси, и, прежде чем таксист завернул за угол и скрылся в темноте, я заметил странный проблеск трех пассажиров на заднем сидении: мужчины и двух детей.

Я моргнул. Такси никаким образом не могло подобрать других пассажиров так быстро. «Пап-»

«Лондонское такси не стоит пустым очень долго,» сказал он как ни в чем не бывало. «Поторопитесь, дети.»

Он прошел через кованые железные ворота. Секунду мы с Сейди колебались.

«Картер, что происходит?»

Я встряхнул головой. – «Я не уверен, что хочу знать это.»

«Ну, оставайся здесь в холоде, если хочешь, но я не останусь без объяснений.» - Она повернулась и пошла за нашим папой.

Оглядываясь назад, понимаю, мне надо было бежать. Я должен был вытащить Сейди оттуда и бежать так далеко, как это только было возможно. Вместо этого я последовал за ней через ворота.